

**Дмитрий
КОРЖОВ**

г. Мурманск

2. «Я ТОЖЕ В СТАЛИНЕ ВИЖУ ГЕНИЯ...»

Два поэта: вождь и протопоп

То и дело в разных читательских и писательских кругах-аудиториях возникает вопрос, кто Виталий Маслов был по взглядам, – по тем самым, крайним, баррикадно-политическим? Именно на рубеже семидесятых-восемидесятых, в то время, о котором мы ведем речь, он определился с ними окончательно.

Чаще всего приходится слышать и читать, что, дескать, Маслов был коммунист, ближе всего к ним находился, да и дружил со многими. Но как, простите, это стыкуется с тем, что перед нами воцерковленный православный христианин и славянофил? По крайней мере, в ту последнюю часть его жизни, что прошла рядом со мной, на моих глазах, он был именно таким.

Конечно, изначально намешано в нем много было всякого. (Помните, что говорит у Маслова старый учитель выпускникам? «Ничего не спешите выкидывать, ничего!» Вот он и не торопился.) Замес там крутой был, безусловно. Как и в его Семже родной, все не так однозначно, как порой кажется на первый взгляд, все на грани, у черты, не всегда поймешь, где берег, а где море, и тот момент, когда вполне советский юноша, влюбленный в Маяковского со всеми его ста томами партийных книжек и Ленина, вдруг становится чужд идеалам юности.

В самом начале, в пятидесятые-шестидесятые, Маслов вроде бы примерный советский моряк, верный социалистическим идеалам, ее вождям и канонам. Это видно и по ранним стихам, в которых несколько стихотворений посвящены Ленину, включая даже небольшую поэму об одном из классиков коммунистической идеи, создателе первого в мире государства рабочих и крестьян. Стихи и наброски к ним были опубликованы недавно. С теплотой огромной Маслов о Ленине пишет.

Одно из стихотворений конца пятидесятых так и называется: «Ленин идет по каютам...», а другое – «Учебники» – о двух главных книгах на полке лирического героя, тех, в которых он ищет (и находит!) ответы едва ли не на все вопросы земного бытия, – «Маяковского и Ильича».

Стихотворение «Ленин идет по каютам...» – слабенькое, ученическое, кроме первой строчки,

строчки-образе, там поэзия и не ночевала, но ситуация, о которой нам автор в нем рассказывает, занимательная. Моряки в далеком рейсе там после вахты спорят «до поры до ранней о дорогах Родины и света»! А помогает им в этих спорах Владимир Ильич:

*Снова спор, и вновь встают вопросы,
Снова океан ревет за бортом,
Снова кочегары и матросы
Вместе собрались после работы.*

*Но вчера столкнувшись в споре с Лениным,
Именно, не в лекции, а в споре!
До рассвета в правоте уверенной,
Не один над книгой спину горбил.*

*Утром я из тридцати томов
Увидал на полке лишь четыре.*

*Как и раньше спорит и усталый,
Хоть утром вахта ранняя,
Только в спорах меньше крику стало,
Меньше крику – больше содержания...*

А в поэме той небольшой, написанной, как показалось, под влиянием знаменитого сказа Твардовского об опознании вождя мировой революции печником, Маслов, кстати, пытается осознать Ленина как своего, – сосредоточенно норовит приземлить (в хорошем смысле, буквально приблизить к родной земле), притянуть того к России, причем с помощью занятого сюжетного поворота, авторской придумки замысловатой. Все ж таки сомневается Маслов в его русскости, в принадлежности Владимира Ильича русскому миру. Но пытается доказать обратное, причем – от противного. Послушайте запов:

*Не знал никто,
Откуда дед у Ленина.
И столько их
Врагов России
Кричало «наш»!
И Ленина для русских почти
Варягом злобно окрестили.
Мол, вам он чужд,
Скуластенький башкир
С добавочкой еврейской мудрой крови.*

А дальше – доказательства, что он таки наш, причем довольно занятное, если не сказать фантастическое. Нашелся «муж, скорей – мужик», который решил найти потомков рода Улья-

янова. И нашел! Среди нижегородских комбайнеров. Точнее бы сказать, горьковских, конечно. У нового знакомого «искателя», которого, кстати, зовут Иваном (иначе и быть не могло!), и прадед с Лениным один и тот же, и похож, и фамилия та же:

*Ульянов, коренной нижегородский,
Российский коренной, земли кормилец
Вождя российского братан родной.*

Оказывается, целая деревня там Ульяновых – Ульяновка. История, конечно, абсолютно фантастическая, не меньше, чем твардовское «Ленин и печник», из области мифа, что, в общем, для Маслова – дело обычное, естественное, как мы еще убедимся, мифотворец он был изрядный.

Поэма не дописана, но в концовке автор неожиданно скатывается в другую тему:

*Через Ульяновку твою, потом –
В Петровку... Он говорил, –
Оттуда Аввакум, какой-то поп...
Одна тропа, одна!.. Лишь
Не петляй и не сходи с дороги.*

*Россия, Русь, храни себя, храни!
Кричал поэт.
Но кто поэтом востигает?
Тот, кто под ногами дремлет,
Мурлыча тошно?..*

Ну, я вам доложу, смешались в кучу кони, люди. Эклектика жутковатая и не всегда понятная. «Дикий протопоп» Аввакум, да еще Рубцов на сладкое. Но вот эти две строки: «Одна тропа, одна!.. Лишь Не петляй и не сходи с дороги» – многое объясняют. Речь, конечно, о преемственности, о следовании традиции, о том, что у людей из русского мира, какими бы разными они ни были, – тропа всегда одна, тропа служения своей Родине. Вот где разгадка, смысл поэмы, вот почему так пытается автор вписать Ленина в этот мир! На мой взгляд, не очень это у него получилось, но тем не менее.

С другой стороны, Маслов, похоже, рассматривает и Аввакума, и Ленина в большей степени не как общественных деятелей, вождей и проповедников, но – как поэтов. И здесь-то и для Ленина – «тропа одна». Он, безусловно, по всем повадкам, всем кунштюкам-вывертам был поэт, его политические кульбиты уж точно «езда в незнаемое». Эх, ему бы еще людоедских привычек поменьше...

Аввакум велик, но куда бедному царю деваться?

*Россия! Бог ты мой! Пойди – найди
Другую землю, где б так бездумно
Родство свое и славу забывали –
Добро б на пользу, но когда во вред –
Мы голову склоняем и в варяги
Своих мужей великих обращаем!
Взойдет ли час, научимся ли мы
Ценить Россию и хранить Россию.*

Это, пожалуй, главный вывод масловских раздумий о Ленине. И если его позицию насчет соприродности Ильича России можно не разделять, то с этим выводом, особенно с последними, с оглядкой на Рубцова, строчками, не поспоришь.

И здесь же, совсем рядом, в шаге – тема, которая, как и любого истинного художника, всегда волновала Маслова и касается всех, о ком мы ведем сейчас разговор, – писатель и власть, их вечные общность и противостояние. Но послушаем самого писателя:

«Николай Рубцов, плоть от плоти родной народный, скорбя о скорых, уже близких страданиях Родины, думал и об Иване Грозном по-народному.

*Бессмертное величие Кремля
Невыразимо смертными словами!
Мрачнее тучи грозный Иоанн
Под ледяными взглядами боярства
Здесь исцелял невзгоды государства,
Скрывая боль своих душевных ран.*

Кто еще написал о Грозном с таким сочувствием?

Для меня бесспорно: Рубцов, думая о будущем Отечества, читал не только то, что о Грозном в разное время писали, но, в отличие от многих наших современников, еще и произведения самого Грозного читал.

И порою как бы вступал в разговор с ним.

*За все добро расплатимся добром,
За всю любовь расплатимся любовью.*

Кажется, только самый ленивый не цитировал этих строк Рубцова.

Так не поленимся, процитируем, для сравнения, и Иоанна, хотя бы вот эти строки из его Духовной грамоты.

«Ждал я, – писал Грозный, – кто бы со мною поскорбел, – и нет никого, утешающих я не сыскал, воздали мне злом з а д о б р о, ненавистью з а л ю б о в ь».

Хотим понять историю – давайте читать родных поэтов.

Николай Рубцов, Феликс Кузнецов, Илья Глазунов... На памятнике Тысячелетие России для Иоанна Васильевича они место нашли бы...»

Что касается «дикого протопопы», то ведь и он для Маслова прежде всего художник. И эта фигура, как бы сейчас сказали, культовая для архангельского Беломорья, Мезени, где Аввакума, по сути, своим считали, его с юношеских лет занимала, влекла. Да не просто влекла – восхищала! Причину особого отношения к мятежному протопопу он очень четко определяет в «На костре моего греха»: «Как когда-то стоял человек перед широкой рекой («Реве та стогне...»), перед необозримостью моря, так сегодня он стоит, пораженный, перед космосом – уже есть возможность ступить через грань, но еще не поборого ощущение пугающей несоразмерности, несоизмеримости.

Но был, был задолго до нас человек, для которого завеса между земным, реальным и потусторонним, тоже реальным миром была весьма неплотной. Битый на Енисее, пешком прошедший Байкал, сожженный на берегу Ледовитого океана, он не только создал себя частью космоса, но и отразил это с поразительной силой в своих неистовых писаниях. Протопоп Аввакум. Мы сегодня стоим у порога, который был для него порогом почти обыденным. И лишь сейчас писатели мира начинают подступаться к задаче, которую блестяще как писатель решил Аввакум три века назад. Конечно, были после него еще и гениальные стихи великого в своих предчувствиях и ощущениях поэта – «Выхожу один я...», но это, так сказать, в иной плоскости.

Для меня очевидно влияние Аввакума не только на судьбу моей родной Семжи, но и на характеры семжан в течение всех последующих веков. Я уже говорил как-то, что, по преданию, семжане пожертвовали на пропитание ссыльному протопопу семужью тоню на Подпыесском, всего лишь в нескольких километрах от межевых, между Мезенью и Семжей, знаков, – это и сегодня одно из самых семужьих мест на семженских берегах. Остался и до сих пор стоит на Подпыесском, на угоре, крест, поставленный, по преданию, самим Аввакумом...»

Да, Аввакум и увлекал, и восхищал, это видно и по ранним масловским вещам, и по публицистике. В «На костре моего греха» он с сожалением отмечает, что так и не состоялось у него серьезного разговора об Аввакуме с Федором Абрамовым. Вроде бы подходили они к нему, близехонько блуждали, а – не довелось. Маслов считал, что, так уж повелось, представления о протопопе линейны, привязаны к сложившейся схеме: «костер-баррикада, неистовость, мощь природы, огнеопасность». И в этой же октаве мыслят о нем и Абрамов, и Конечный.

Маслов же полагает протопopa как личность многомерную, являющую собой не хиленькую плоскость, но объем, причем объем порой космический, не доступный тем, кто свою жизнь лишь кострами-баррикадами определяет: «...По мне же это – лишь видимый лик Аввакумов, не главный. Кроме видимой баррикады, на которой, не сдав ее, он взошел на костер, Аввакум последние годы, в яме, все время подпирал, то ли свалить пытаюсь, то ли уронить боясь, баррикаду иную – стену, лишь ему видимую, с дверью туда, где только звезды и нет тягостной опоры под ногой. Ни Ф.А., ни В.В. (Федор Александрович Абрамов, Виктор Викторович Конецкий. – Д. К.), мне кажется, не разглядели главного (созидающего!) итога Аввакумова – этой двери, которую бесстрашно распахнул он в космос (и даже ногу занес за порог!) на несколько веков раньше, чем кто-то другой со страхом догадается о существовании этой двери и этого порога...»

Аввакум был продуктом синтеза многих начал. Как, кстати, и в этом мы уже не раз могли убедиться, и Виталий Маслов. В том числе протопop и писатель, конечно. Причем чрезвычайно яркий, подчиняющий словом, страстный. Вот уж точно, «несмиренный живописец»! И его противостояние с царем это, наверно, первая в отечественной истории документально зафиксированная сшибка писателя с властью в лице главного ее представителя – государя. Вот что в аввакумовых мытарствах особенно увлекает Маслова, которого тоже сия чаша – чаша столкновений с властью – не миновала. И далеко не всегда он на стороне Аввакума! Эх, нелегко все же быть и русским писателем, который, по масловскому же определению, всегда в оппозиции, и государственным одновременно, замаешься. Но – иначе ты не русский писатель.

«Да, протопop велик, в чем-то более, чем на триста лет время опередил, но у меня при этом и о царе сердце обливается кровью: куда было ему, бедному, деваться? – пишет Маслов в «На костре моего греха». – Как утишить гениального смутьяна, который из своей ямы в упор понимать не хочет: страна, великая отчина, только что выкарабкалась из смуты, из потрясения, поставившего было государство на грань исчезновения, и вдруг опять – в тысячах списков письма протопopовские по Москве гуляют, за которыми – новая смута. Легче ли прежней? Не канет ли на сей раз страна в Лету?... За все за это ответчик пред Богом и перед народом только он, Царь, и никто другой... У Аввакума забота – как талантливее и ярче царя допечь, у царя – как государство неокрепшее опять не пошатнулось бы...»

Ленин в бане

Но вернемся к Ленину.

В «На костре моего греха», спустя почти четыре десятилетия после той детской влюбленности в вождя, что звучит в ранних стихах, Маслов упоминает о нем трижды. Всегда если не негативно, то в негативном контексте. И всегда мимоходом, лишь в связи с чем-то.

Сначала в связи с тем, что и при Советской власти печатали вещи абсолютно антисоветские. Только видеть, замечать это умели (и умеют!) немногие. Большинство видят лишь то, на что указывают. А это как на экскурсии с плохим экскурсоводом или как в жизни с дурным поводырем, последнее, а порой и опасное дело – можно запросто не заметить главного. Так вот в «На костре...» он замечает словно мимоходом: «Кстати. О Ленине Савва Морозов говорил, что все его писания – «Курс политического мордобоя». И это выражение Морозова печаталось у нас не однажды и немалым тиражом». Во как! Никакого пиетета к идолу прежних лет. Более того, похоже, автор-то с Саввой-то Морозовым согласен и не скрывает этого.

Еще одно упоминание – абсолютно анекдотичное. О том, что дело духовное и компанейщина несовместимы. В ответ на предложение некоей московской делегации – «Десять крестов привезли! Покажите, куда ставить! Три дня у нас в распоряжении!» – он вспоминает, как готовились в 1971 году к ленинскому столетию: «В течение года – ни о чем больше, хоть ящик не включай и уши затыкай. Верхом непотребства, которое мне довелось лицезреть, был профиль юбиляра на дне жестяных тазиков в общественной бане. Это был первый по-настоящему результативный удар и по авторитету Ленина, и по государственной идеологии того времени...» Да, любим мы это дело, с перебором, с перехлестом работать. Чувство меры нам меньше всего свойственно, чем какое-либо другое. Эх, «широк русский человек»... А мне, кстати, и прежде, и сейчас, когда читаю «Покажите, куда ставить!», всегда легендарный Смирнов из памятного советского фильма является с неподъемной ношей на плечах и истошным стоном: «Куда ставить-то?»

И еще одно упоминание. Для нашего разговора, может быть, самое важное. «Говоря о ледоколах, поставил рядом Ленина, Ломоносова и Пересвета. А потом подумал: правомочно ли такое соседство? Для Ломоносова, как и для Пересвета, не было ничего в мире выше интересов России. А Ленин обмолвился, что ему, в определенных условиях, на Россию наплевать...»

Вот оно – главное. Отношение к России, словно

лакмусовая бумажка, определяет ценность для Маслова того или иного правителя. И Ленин тут – явно не образец. Точнее, образец, но не для нас, а для врагов Отечества нашего. Он Россию не знал, не любил ее. Эта фраза, которую Маслов вспоминал частенько, и в разговорах, и в публицистике своей пламенной, – «К северу от Вологды – полудикость и самая настоящая дикость...» – ему, Владимиру Ильичу, принадлежит. В строчке этой диковинной и страшной не только отчетливая нелюбовь звучит, но и, к несчастью нашему, откровенное, замшелое невежество прошедшего большую часть жизни за границей русского барчука-либерала.

Разумеется, с таким знатоком России Маслову, вызревшему и писательски, и мировоззренчески, явно было не по дороге.

Да уж, патриот, славянофил и государственник Виталий Маслов, каким его помним мы, вряд ли бы написал, имея в виду два главных своих учебника: «И, если снимаю с трепетом оба, Мысли глотаю, лоб горяча, Вижу не ржавых перышек пробу – Вижу гении Маяковского и Ильича».

А вот со Сталиным вышло иначе...

Любопытно, что было у Виталия Семеновича стихотворение и о Сталине – оно есть в оглавлении рукописного сборника, датированного 59-м годом, но странички, где находился текст, вырваны. Осталась лишь первая строчка: «Я тоже в Сталине вижу гения...»

Жаль, конечно, что стихотворение не сохранилось. Хотя то, что автор посчитал нужным от него извлечь, понятно и объяснимо. Само имя-то Сталина тогда хоть и не было под запретом, но употреблять его принято было в одном, резко отрицательном смысле. Он после двадцатого съезда стал предметом беспощадной даже не критики, а – хулы. Не всегда, кстати, обоснованной. С подобным отношением мы столкнемся и позже, в перестройку и в девяностые, когда из Сталина последовательно, не зная разума и, по традиции, не ведая чувства меры, лепили демона, а то и сатану во плоти.

Однако и в наше время, и в хрущевское находились люди, которые не вписывались в общий хор, иначе смотрели на вещи, кажущиеся большинству очевидными. И несколько иначе оценивали и Сталина, да и так называемую оттепель шестидесятых. Сказать, а тем более написать в ту пору «Я тоже в Сталине вижу гения...» – это был поступок. И еще одно доказательство, что автор – человек, старающийся мыслить самостоятельно, не оглядываясь на передовицы «Правды». Ясно и то, что человек с подобным отношением к заклеявленному со многих трибун «отцу и учителю» вызвал

бы вопросы и особое к себе внимание. И, возможно, не только благодарных слушателей и читателей. Вот поэтому, должно быть, текст и исчез из тетрадки...

Славянофил, империалист, патриот

Текст исчез, но вопросы – уже у нас, нынешних читателей Маслова, – остаются. Почему же он все-таки в Сталине видел гения? Сам автор на это нам уже ничего не ответит, но предположить, что стоит за этой, не самой осторожной (и на рубеже пятидесятых-шестидесятых, и в девяностые, да и по сию пору), формулировкой, мы можем.

Думаю, главное, что привлекало, это бескорыстное служение своему Отечеству: не ради себя все, «жила бы страна родная, и нету других забот». Сталин – державник, государственник, империалист наконец! Кто-то сказал, о Черчилле, что, мол, «его игра была огромна». Так вот и «игра» Сталина была не меньше. При этом в подобной «игре» в XX веке ему попросту не было равных. Он остался непобедимым: в борьбе за власть он уступил только смерти; создал из аграрной страны великую державу, вступил с ней в атомную эру; вместе со всем советским народом остановил фашизм; наконец, мастерски разобрался со всеми европейскими и заокеанскими своими коллегами в ялтинско-потсдамской дележке послевоенного мира.

Кто-то спросит, а какой ценой все это достигнуто? Да, цена немалая. Иногда неоправданно она высока. Но ведь и цели были высоки, почти всегда – сродни недостижимым звездам. Попробуй – дотянись! Перенапряжение всего народа – да, было. Но и преувеличивать кошмары и ужасы «сталинского режима» я бы не стал. Хватит уже, довольно напреувеличивали в прежние (не такие, к слову, далекие от нас) годы.

Четкую характеристику масловского отношения к Сталину и его свершениям, как мне кажется, мы находим в «На костре моего греха», хоть и сделана она не напрямую, а с помощью другого, не менее спорного и столь же закошмаренного персонажа русской истории – Ивана Грозного. Он, кстати, там его Ленину противопоставляет: «А к Ивану Грозному мы еще долго обращать взор будем. Дабы страну и себя хоть сколько-нибудь понять. В наше время – распада, расчленения, растления государственного – разве можно не задуматься о государе, который после себя оставил государство в несколько раз большее, чем принял? (Но и над тем задуматься: почему на главном памятнике страны Тысячелетие России

не нашлось места этому государю? Такому Государю места не нашлось!

Хотя, заметим, в песнях и сказаниях народных Иван Васильевич – персонаж отнюдь не отрицательный. Впрочем, кто слушает народ? Даже когда он с дубиной, его бояться – да, но прислушаться – спесь не позволяет...».

Оставил больше, чем принял. Вот это показатель! И Ленин тут, учитывая Брестский мир и все последующие чудеса с потерей Польши и княжества Финляндского, конечно, отдыхает. Подобный же провал (еще больший!) у нас только после распада СССР случится, но это уже вопросы к другому, совсем уж никудышному правителю. А вот Сталин территорию страны увеличил. Как, впрочем, и Владимир Путин.

Кстати, о вступлении в атомную эру. Сталин ведь и к первому атомоходу руку приложил: уже в 1950-м было принято решение о разработке проекта паротурбинного ледокола 40 тыс. л.с. с обычными котлами на жидком топливе, а когда этот проект не пошел, было решено в том же корпусе разместить вместо паровых котлов три атомных реактора. 20 ноября 1953-го Совет министров СССР принял постановление о разработке мощного атомного ледокола для использования его в Арктике.

И уж в чем совсем не упрекнешь Сталина, так это в русофобии. Он всегда справедливо полагал русский народ не только государствообразующим, основным в СССР, но великим, неслучайно ведь и в гимне «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки великая Русь». А Ленин-то, судя даже по известным нам цитатам, русофоб был известный...

Что же касается коммунизма вне пошлых стереотипов и государственных институтов, которые создала и с успехом использовала единственная в стране партия, то Маслову, безусловно, была близка коммунистическая идея в изначальной своей чистоте, в виде сказки-мечты о всеобщем счастье, рае на земле, сродни исконной русской мечте о Беловодье. Да, коммунизм, да. Но не марксизм – порождение «сумрачного германского гения», учение последовательно антирусское и антиславянское, с которым пришли на нашу землю Ленин и его соратники.

«Неославянофил, империалист, патриот...» – такой семантический ряд встретился в горьковской «Жизни Клима Самгина» – так один из персонажей характеризует главного героя. Характеризует, на мой взгляд, абсолютно ошибочно, без особых на то оснований. Ну и бог с ним. Нам важно иное. Изумительна сама последовательность: если славянофил, то непременно и империалист, и патриот. И с

этим-то как раз не поспоришь! Первое предполагает второе и третье. И все эти три, столь нелюбимые либералами, ипостаси напрямую, без каких-либо оговорок, можно отнести и к Виталию Маслову (в первой не уверен, однако две последние, к слову, можно и к Сталину отнести). Но главное-то здесь все-таки первое слово – оно все определяет. Да, славянофил, в восьмидесятые уже совершенно явный, отчетливый. Как сам он писал тогда: «Главная мурманская партийная газета за один год дважды обозвала меня славянофилом: официальное политическое обвинение и десятилетиями вбивавшееся в головы народным образованием ругательство. Страшней славянофильства считался, кажется, только панславизм. Хотя, если подобный «изм» касался не славян, всяческий ругательный оттенок терялся и тот же самый «пан» становился почти геройством. С каким восторгом пишется, например, о паналбанизме, пантюркизме...

Ну а что до ругательств в мурманской газете... Они меня обругали и премного довольны. Но и я тоже доволен! И невдомек хулителям, что для меня такое обвинение – почти орден...»

«Отчего вы не в нашей организации?»

Полагаю, вполне советским и почти партийным по убеждениям Маслов оставался достаточно долго, едва ли не до середины семидесятых. Это видно по текстам. Думаю, что перелом в отношении – и к той системе, и, отчасти, к идеалам, которые она проповедовала, произошел в момент издательских мытарств его первой книги, когда цензоры и руководители всех мастей и рангов вдоволь помучили и автора, и главный для него в ту пору рассказ «Свадьба».

В партию он, кстати, и прежде не вступал, а после этого и подавно. Хотя и звали!

Вот что читаем в его «Дневнике» за 1984 год: «В марте, за несколько дней до отъезда сюда (в Семжу. – Д. К.), пригласил Н.В. Беляев, – о том о сём, – не понять, из-за чего. Потом говорит: «Отчего вы не в нашей организации? Надо б исправить...»

Поговорили по-хорошему. Ответил я ему примерно так:

– Николай Васильевич, давайте посчитаем, сколько бы раз меня уже выгнали, если б я был в организации...

И стал загигать пальцы:

– когда отказался в ОК к завбюро П и А к Р. явиться, а на угрозу «силой заставить» на х... его послал, – раз.

– Когда...

«Ладно, – говорит, – понял. Видишь, другое время. Подумай...»

С тем и ушел.

Потом БС говорит: «Он меня спрашивал перед той беседой, дам ли я тебе рекомендацию. Я ответил, что дам...»

Тут нужно некоторые загадки, которые есть в тексте, подчас шифровку Юстас-Алексу напоминает, разяснить-расшифровать. Николай Васильевич Беляев – профессиональный журналист, с 1970 по 1981 г. – главный редактор «Полярной правды», затем, до 1988-го, – секретарь Мурманского обкома партии по идеологии. ОК – обком, П и А – пропаганды и агитации. Р. – Александр Николаевич Рябков, с 1975 по 1979-й – заведующий этим отделом.

БС – прозаик, в то время глава областной писательской организации Борис Степанович Романов.

Как видим, в 80-е в партию Маслова не просто звали, но настаивали на этом (в самых высоких кабинетах!), осознавая, сколь авторитетен писатель, сколь значимо его слово, его имя в тогдашней, еще читающей, еще Советской, – России.

Но он выбрал иную веру. Точнее сказать, он не выбирал. Он с ней родился. Православие – вера наших предков, от которой Маслов не отрекался никогда (у него в записных книжках пятидесятых годов рядом с комсомольскими стихами о Ленине – стихи о Вербном воскресенье, пусть совершенно советские, но очень чистые, с нежданной догадкой-просветлением, что праздник этот – велик и неслучаен), даже в самые темные, самые безбожные советские годы. Его категорическое неприятие марксизма ведь и с этим связано. И Энгельс, и Маркс – ревностные враги не только славянства, но и православия, как одной из животворящих скреп славянского мира, источника его силы, основание его единства.

А еще одно прочное основание и славянского мира, и мира русского – это язык, это азбука. Создание которой тоже связано и с верой, и с церковью, православными монахами, а потом и святыми, – Кириллом и Мефодием...

3. ВНОВЬ НАЗВАТЬ СЕБЯ

Светлый праздник русского Слова

Я хорошо помню свой первый праздник письменности. Это было уже давно, в 1993-м. Мы с Дмитрием Ермолаевым только-только стали лауреатами областной литературной премии имени Константина Баева и Александра Подстаницкого за первые наши поэтические книжки. И только-только вернулись из поездки в Ловозеро и Ревду, с дней са-

амского слова и коми языка. Ездили в прекрасной писательской компании, в которой все для нас было ново: и городки-поселки-села, где мы никогда прежде не бывали, и ситуации, и сам, как сейчас говорят, формат. Но самое важное и прекрасное – это люди, конечно. Помимо наших – Виктора Тимофеева, Владимира Смирнова, Николая Колычева, еще и гости были – из Нарьян-Мара нагрянул классик ненецкой поэзии Прокопий Евтысый, а из Великого Новгорода – могучий, величавый Борис Романов, прекрасный прозаик, в недавнем прошлом мурманчанин и капитан дальнего плавания. А во главе всего этого беспокойного писательского люда, конечно, – Виталий Маслов (он же придумал и серию «Первая книга поэта», в которой вышли наши с Димой сборнички, и премию ту самую для молодых писателей).

Мы были в поездке 22-23 мая, а вернулись как раз к главному дню славянского праздника – 24 мая. Какой замечательный это был день! Удивительно тепло, что для Мурманска в это время немалая редкость. Чаше тучи и дождь – это по крайней мере. А то и снег с дождем и пронизывающим ветром! Бывало и такое в наш День... А тут: солнышко, в эту пору уже незакатное, осторожный, мягкий его свет. И мы идем по улице без верхней одежды в праздничном шествии от областного драмтеатра до памятника Кириллу и Мефодию. И прямо по дороге, приостановившись лишь на пару минут, поэт Владимир Смирнов (на коленке!) подписывает мне свою новую книгу стихов – «Поклонный крест». Надпись та – вроде бы совершенно простая, обычная – запала в душу, навсегда со мной, для того, чтобы ее вспомнить, и книгу открывать не надо: «С праздником вас нашим светлым!»

Очень точный эпитет Владимир Александрович тогда нашел. Он действительно светлый – не громкий, сдержанный, но такой радостный, как и тот погожий день, в который была сделана эта запись.

День славянской письменности отмечали в царской России издавна. В воспоминаниях великого русского философа Алексея Федоровича Лосева наткнулся на упоминание, как он участвовал в таком празднике в начале XX века в своем родном Новочеркасске.

А возникла традиция ежегодно чествовать создателей славянской азбуки в Болгарии – болгары считают Кирилла и Мефодия своими, хотя кто они были на самом деле в многонациональной греческой Солуни, сейчас один Господь разберет.

В России первый подобный праздник состоялся в 1862 году и был приурочен к приближающемуся 1000-летию кириллицы. Тогда как раз вспыхнула, ярко обозначилась необходимость единения братских славянских народов. Во главе с Россией

и русским народом, конечно. Кто еще был готов сдерживать напор католического Запада с одной стороны и мусульманского Востока – с другой? Сжимающиеся эти тиски еще не были столь страшны и безжалостны, как сейчас. Еще была жива и сильна Российская империя! Но натиск с двух сторон уже набирал обороты. И остановить его – и тогда, и ныне – могла только Россия.

Святые Кирилл и Мефодий стали символами славянского единения. Их чествования порой проходили широко, всеохватно. В 1886-м, когда исполнилось 885 лет с кончины Мефодия, литургии прошли во всех московских храмах, 11 мая (24 – по новому стилю) в Московском университете в честь первоучителей отслужили молебен. Культурно-просветительское Погодинское общество проводило в те дни множество научных встреч и дискуссий в разных городах в ту пору кажущейся еще нерушимой империи: не только в Москве и Петербурге, но и в Варшаве, и в Петро-заводске, и во многих других городах.

В советские годы о гениальных создателях первой нашей азбуки – основы нашей письменной речи, а значит и великой русской литературы – вспомнили лишь однажды, да и то – почти условно. В 1963-м в Институте славяноведения ученые отметили 1100-летие со дня смерти Кирилла, не выходя за рамки научной конференции, не выходя к людям, – тихонько, келейно.

Почему Мурманск? Потому что Маслов

Почему так случилось, что праздник славянской письменности, удивительный день чествования создателей нашей азбуки равноапостольных Кирилла и Мефодия, высокий день нашего Слова возродили именно в Мурманске – впервые в советской России?

Думаю, многим этот вопрос не давал и не дает покоя. Не случайно же сейчас в Москве на официальных торжествах в честь 24 мая редко когда вспоминают о том, что новая жизнь праздника началась с Мурманска, здесь, на краю земли. Занятный эпизод описывает Семен Шуртаков – разговор с одним из писателей-волжан, состоявшийся сразу после первого при Советской власти Дня славянской письменности:

«– Давно хотел спросить... С большим удовольствием, можно сказать, с радостью прочитал твою подробную информацию в «Литературной России». Прекрасно, что такой праздник состоялся! Но... – тут мой собеседник широко развел руки в стороны, изобразил на лице крайнее удивле-

ние и с тем же удивлением в голосе спросил: – Но почему в Мурманске?

Я нарочно не торопился с ответом, а просто сидел и спокойно глядел на товарища, как бы давая ему возможность подумать и самому ответить на свой вопрос. Однако он, должно быть, по-своему истолковал мое молчание и с удвоенным энтузиазмом продолжал допрашивать меня:

– Нет-нет, ты скажи: почему именно в Мурманске? – теперь к удивлению в голосе примешивалось уже что-то похожее на возмущение.

Я опять ушел от прямого ответа: радоваться надо, чудак-человек, что праздник состоялся, наверное, это важнее, а не то, где именно.

– Не согласен! – продолжал кипятиться товарищ. – Ведь праздник-то славянский, а значит, и русской культуры, и начинать-то его бы надо не на краю земли, а где-то в центре России – во Владимире, Ярославле, Новгороде или Нижнем Новгороде, да мало ли!

– Вот ты бы, живущий в центре России, и начинал!

– Ты, друг, в сторону не уходи... Еще когда вопрос решался в инстанциях...

– В каких инстанциях?

– Ну там, в ЦК, в Союзе писателей.

– А не решался этот вопрос ни там, ни тут.

– А тогда где же? – уже без прежнего напора, но все еще с неостывшим желанием докопаться до истины, вопрошал товарищ.

– Да все в том же Мурманске.

– Ну, у нас получается что-то вроде на колу молчало, начинай сначала...

Долго еще мне пришлось объяснять жителю средней России, почему именно город на краю нашей земли дал начало празднику письменности...

Вот такие разговоры. Такие пироги. И это, замечу, разговор в своем кругу, где народ, что называется, в теме и где обычно понимают друг друга с полуслова, с полунамека. Что уж говорить о простом обывателе, как правило, далеком от подобных бесед «за ипостась»...

Между тем ответ на столь беспокоивший шуртаковского товарища вопрос очень прост, очевиден. Почему в Мурманске? Да потому, что у нас был Виталий Маслов.

План, пока еще тайный

Нет, конечно, все не в одиночку делалось. Тут и спорить не о чем! Для любого большого дела нужны помощники, нужны соратники – как без них? Один в поле не воин – это нам давно известно. А тут ведь бой ожидался, даже битва, и битва

нелегкая. А для этого дружина надобна крепкая.

Но сначала появилась идея. Она, как и еще более мощная, эпическая идея союза славянских государств, возникла у Маслова уже в начале семидесятых. Случайная запись, сделанная, как отмечает сам автор, мимоходом, в рейсе, между другими атомоходскими делами, 3 июля 1974 года:

«Сознание необходимости единства всех славянских земель никогда не должно покидать нас. Всегда надо помнить, думать, напоминать об этом и воспитывать на этом. Глубоко правы болгары с праздником славянской письменности...»

Идея прекрасная, но что с нее взять, если это только слова, за которыми нет дел, нет практических шагов? Однако, доложу я вам, тем и велик Виталий Маслов, что он не только умел рождать фантастические проекты, но и, как и его любимчик Митька-Футшток, был готов к активному, прямому действию, не на бумаге, но в жизни, был способен «сказку сделать былью», делать невероятное очевидным. Вот так и с первым праздником. Следующее упоминание о нем в дневнике писателя 1 февраля 1980 года – это не просто идея, но почти программа, перечень того, что нужно сделать, чтобы всё состоялось. Это уже план, пока еще тайный: «Без шума, исподволь, перенести к нам праздник славянской письменности, праздник Кирилла и Мефодия... С чего начать? Может быть, сперва – в СП (*Союз писателей*. – **В.М.**) Мурманска: отметить и пять строчек об этом. Потом – можно шире, с привлечением литобъединения – в областной библиотеке, с привлечением и читателей тоже. А м. б., пользуясь тем, что много болгар в Архангельской области, как-то продвинуть это в Архангельске и в тех лесспрохозах, где болгары работают? И – тоже пять строчек в «Пр. Севера» хотя бы. Мечтаю, чтобы праздник был всероссийский... Знаю, что это непорочно, сколько угодно найдется врагов...»

Кстати сказать, с архангельскими болгарскими ни-чего у Маслова не получилось, не поднялись – ни писатели местные, ни власть, ни болгары.

Тогда же, в феврале 1984-го, Маслов уехал в Малеевку, писательский поселок под Москвой. Он в ту пору как раз заканчивал книгу очерков «Еще живые». И попытался попутно, пользуясь случаем, обсудить с коллегами-литераторами возможность проведения всероссийского праздника Слова. Запись в дневнике от 14 февраля:

«Сегодня... толковали с Дементьевым В. В. О болгарской литературе. О неск. болгарских писателях. О празднике Кирилла и Мефодия. Мои задумки назвал несбыточными... (Потом, на празднике в Вологде в 1987 году, я сказал В.В.-чу об этом разговоре. Он ответил: «Не помню!» И я

вполне верю: добрых-то дел не сочтешь, а тут – бред с моей стороны.)».

Тогда же поговорил Маслов и с Семеном Ивановичем Шуртаковым – наставником своим многолетним, человеком, который очень помог Маслову в самом начале литературного пути последнего. Понятное дело, его мнение, его отношение к идее праздника для ее автора имели огромное значение, не случайно тот разговор запомнился ему на всю жизнь, даже без записи, и он его свободно описал в «На костре...»: «Я спросил, нет ли у него, писавшего о Болгарии и бывавшего в Болгарии, каких-либо материалов о проведении Дня письменности. Семен Иванович понял, улыбнулся по-доброму: «Хорошо бы! Но...» – и пообещал посмотреть. Я понял, что, если буду воевать, поддержка со стороны Шуртакова С. И. обеспечена, что впоследствии и подтвердилось...»

15 ноября 1985 года он решает внести на собрание официальное предложение о праздновании ДСП. Речь идет о собрании Мурманской писательской организации. Но накануне собрания, которое традиционно проходит 30 ноября, ровно за день, он обговаривает идею праздника с Виктором Тимофеевым, новым ответственным секретарем СП: «...Виктор согласился «твердо, хотя и с условием». Это согласие многого стоило. Теперь требовалась, во-первых, хитрость, чтобы обмануть обком, во-вторых и в-третьих – напористость и самоотверженность. Напористости и самоотверженности Виктору Тимофееву не занимать, труднее с первым. И всё-таки он справился, сделав всё возможное и казавшееся невозможным. Думаю, что, если бы не он, и на этот раз с праздником могло ничего не получиться...»

«Я готов подложить партбилет под наш праздник!»

Да, мы ведь уже говорили, что Маслов был не один. Конечно, не один! Одному такую глыбу не сдвинуть. Вот как вспоминал ту встречу и тот разговор еще один ее участник – пожалуй, главный соратник Маслова, его опора всегдашняя во всех литературных, общественных и прочих иных делах, поэт Виктор Тимофеев: «Уже в мае 1985-го в беседе о будущем мой заместитель Виталий Семенович Маслов предложил в следующем году провести крупный литературный праздник, посвященный юбилею славянской письменности, славянским литературам, гению «Слова о полку Игореве».

Я сразу поддержал его и предложил начать подготовку.

Виталий Семенович не просто обрадовался, а был по-настоящему растроган. Я даже не ожидал. Он под настроение рассказал, что носит идею и что высказывал ее своим московским приятелям, но они посмеялись над ним. Предлагал он эту идею и моему мурманскому предшественнику (*Борису Романову. – Д. К.*), но тот тоже высмеял его. Понятно, в чем дело.

В свое время Ленин обозвал славянских гениальных первоучителей мракобесами и распорядился уничтожить памятник им в Москве.

Поэтому все, кто думает не так, в любой момент могут быть обвинены в мракобесии и шовинизме, а еще по другим русофобским позициям – будут преследоваться за славянофильство и панславизм.

Так и есть. Несколько месяцев спустя в большом (среднем) кабинете меня спросят:

«У тебя сколько партийных билетов, что ты затеваешь такое?»

Я сказал, что партбилет один, но я готов подложить его под наш праздник!»

Они оба – и Маслов, и Тимофеев – осознавали, на что идут, в какой – чаще враждебной, чем какой-либо иной – обстановке предстоит проводить праздник родного Слова. Вот вам запись в масловском «Дневнике» от 23 февраля 1984 года, вызванная смертью Шолохова, в день, когда Михаила Александровича хоронили: «Однако – времени впереди тяжкие. Всё опять идет к тому же: запретить русской литературе быть русской, задавить цензурой, не дать слова. В этом случае, когда нельзя сказать прямо, – опять заполняют всё те, у кого нет за душой заботы о нашей Родине, о нашей земле, для кого запреты – манна небесная, они-то и так всё, что надо, обделают. И ссанье на обои под оголтелое славословие очередного кормчего уже началось. После затишья при Андропове – так это режет слух!

Однако – надо работать, не суетиться, помнить всё время о главном...»

А главным для Маслова, как мы уже неоднократно убедились, была Родина, Россия. Об этом он прямо писал в «На костре...»: «Истинный поэт, писатель отличается от всех прочих главным образом лишь одним – силой любви. В основе нашего творчества – любовь к родине, к отчизне. Если бессмертна родина, бессмертна и любовь к ней, бессмертны и художники, навсегда, честно и безоговорочно связавшие себя со своей родиной...»

Да, не Советский Союз, но – Россия, в том числе как центр славянского мира, гарант его спокойствия и жизни. К тому же в столь тревожное время, время, предшествовавшее великим потрясениям девяностых...

Вот что пишет о том времени и о празднике первом замечательный литературовед и литературный критик, псковитянин Валентин Курбатов: «...У Пушкина (помните?), когда он вспоминал ссылку и такое тяжелое для его молодого летучего сердца одиночество, каков был рецепт спасения-то: «Поэзия, как ангел-утешитель, спасла меня...» Вот и нас еще держало русское слово – наш ангел-утешитель. Оно еще боролось за нас, когда у нас самих уже опускались руки.

Почему мы и искали встреч в Сростках, в Овсянке, в Ясной. А еще раньше – в праздниках Славянской письменности. Мы уже забыли, что праздники-то сначала не были общероссийскими. «Их придумал в Мурманске, – пишет Валентин Яковлевич, – замечательный прозаик поморской крови Виталий Маслов, который наследственно был хорошим моряком, а не наследственно – отличным радистом на атомоходе «Ленин». А радист, он выхватывает слово из точек и тире по одним первым буквам. Он слышит их смыслы по самому ритму, хотя бы передавал и принимал одни документы.

Когда все зашаталось, Виталий рванулся к истоку, к евангельской нашей азбуке, к живой плоти слова, будто оно только вчера было начертано Кириллом и Мефодием. Он связался с болгарскими, зажег их, и Праздник стал настоящим городским праздником. И сразу обнаружилось, что он нужен всей России...»

Дружина Дня

Однако, чтобы все удалось, нужно было бы быть осторожным. Даже – хитрым! Маскироваться необходимо было – и от неумных чиновников, и от тайных и явных недоброжелателей, а то и от открытых врагов. Как мы видим, это в равной степени очень хорошо понимали и Маслов, и Тимофеев.

Да, все не просто было с этим дебютным праздником. Не очень-то нравился он тогдашней власти – казался и слишком церковным, и слишком русским. Традиция 24 мая чествовать славянских просветителей, как вы уже поняли, у нас была, но – до революции, славянофилами заповеданная. А вот в Болгарии, где Кирилла и Мефодия считают своими, она сохранялась всегда. Вот у болгар и попросил помор, моряк, известный прозаик, писатель-мурманчанин Виталий Маслов помощи. И они помогли – всемерно. Помню, как рассказывала об этом нам – мне и поэту Дмитрию Ермолаеву – знаменитая болгарская журналистка Калина Канева, автор многих книг и статей о выдающихся деятелях русской культуры и просвещения (от Виктора Астафьева до Дмитрия Лихачева):

– Маслов был не первый, кто хотел восстановить праздник. Среди тех, кто это пытался сделать, – московские писатели с именами, классики. Но у них ничего не получилось... А вот Маслову это сделать удалось.

Упорство, настойчивость, упрямство поморское – вот что помогло. Но надо оговориться, в провинциальном Мурманске сделать такой праздник было все же проще, чем в центре, в столицах. Хотя и здесь не все выдалось так уж гладко. Первый праздник чуть замаскировали – от греха и лишних вопросов: он стал частью традиционного для Кольского Севера литературного действа – Дней Баренцева моря. При этом организаторы постарались, чтобы получился он масштабным, значительным, в том числе и по именам.

«Особенно сложно получалось с руководителем делегации. На эту роль, по традиции, ставили одного из секретарей Союза писателей. Так вот – все отказывались. По уважительным причинам. Некоторые – открыто. Не хочу быть зачисленным в шовинисты!

На одного из именитых писателей (из Болгарии не выбирается!) я очень обиделся. Только десять лет спустя я узнал, над чем он тогда работал, и понял, что у него своя Голгофа была и рисковать он не мог.

Решение подсказал один деловой человек: пригласи на роль руководителя делегации Владимира Санги, основателя письменности и литературы нивхов. Его никто не упрекнет в великорусском шовинизме...»

Истинно так!

А сама делегация получилась солидная – дай бог любому крупному литературному действу. К сожалению, не смогли приехать Валентин Распутин и Василий Белов, не было уже в живых Федора Абрамова – он-то, я думаю, на приглашение Маслова непременно бы откликнулся. «Мы заявили в Союзе писателей группу в двадцать человек. Однако по приближении праздника нам группу урезали несколько раз. Довели до пяти человек. Мне пришлось в СП предъявить ультиматум: мы сами проведем праздник, а на Москву ляжет тень, как она пыталась задушить нас. Нам добавили несколько единиц... Мы прикинули, кто нас должен поддерживать, и разослали более пятидесяти писем. Большинство отказалось...» – вспоминал позже Виктор Тимофеев. Однако московский десант писательский в Мурманск тогда все равно вышел могучий: один из лучших русских поэтов второй половины XX века, замредактора журнала «Наш современник» Юрий Кузнецов, поэт-петро-заводчанин, а в ту пору уже москвич Валентин Устинов, прозаик, редактор журнала «Москва» Вла-

димир Крупин, ярчайший прозаик-северянин, земляк Маслова, мезенец по рождению Владимир Личутин, автор многих книг прозы, публицист и руководитель семинара в Литературном институте Семен Шуртаков, издатель Юрий Медведев.

Несколько гостей приехали из разных краев и областей. Из Питера прибыл замечательный ученый-филолог, создатель словаря «Живая речь кольских поморов» Иван Меркурьев, из Сыктывкара – Геннадий Юшков, из Костромы Вячеслав Шапошников, из Вологды – Владимир Шириков. Шириков возглавлял тогда вологодскую писательскую организацию, именно он в ходе первого праздника объявил со сцены мурманского ДК им. Кирова, что в 1987 году центром Дней славянской письменности станет именно Вологда.

Есть чудесный черно-белый снимок. Вроде бы обычное фото обычных людей в центре Мурманска. Все – явно в хорошем настроении. Рядышком совсем, за их спинами – гостиница «Арктика». Фото, однако, историческое. Снимок сделан известным мурманским фотомастером Виктором Кононовым 24 мая 1986 года. Перед нами – те самые писатели, о которых я только что вам рассказал, – гости столицы Кольского Севера, участники первого праздника славянской письменности и культуры.

Очень уместный вопрос сегодня – что было потом с этими людьми, потом, после праздника. Итак, слева направо.

Поэт Валентин Устинов, автор многих замечательных стихотворений и поэм о Русском Севере. В прошлом году его не стало. В последние годы жил в Переделкине, возглавлял Всероссийскую Академию поэзии. Мы виделись с ним на фестивале «Осиянное слово» – бывший редактор отдела поэзии журнала «Север» с большой теплотой и нежностью вспоминал первый праздник славянской письменности, знакомых писателей-мурманчан.

Рядом с ним прозаик Семен Иванович Шуртаков. Ушел из жизни два года назад. Доводилось общаться – и не раз, с Семеном Ивановичем. Он – учитель и добрый старый товарищ Виталия Маслова, Мурманск не забывал: был среди участников Славянского хода в Черногорию, несколько лет назад руководил у нас областным семинаром молодых литераторов. Ветеран Великой Отечественной, выпускник первого послевоенного выпуска Литинститута – вместе с Бондаревым, Солоухиным, Баклановым, Винокуровым, другими классиками. До последних лет ездил, выступал, книги писал.

Пожалуй, самая причудливая судьба выпала Вячеславу Шапошникову. Этот поэт и прозаик из

**Праздник славянской письменности
в г. Мурманске. 1986 г.**

Костромы уже спустя пять лет, в 1991-м, стал священником. Однако он по сию пору член правления местного отделения Союза писателей, издается. Особый такой путь, редкая колея: поэт-священник. А по внешнему виду не скажешь – пиджачок какой белый манерный! Однако награжден патриархом двумя церковными орденами.

Дальше – Владимир Санги. Он возглавлял делегацию московских писателей – нивх, представитель коренного населения острова Сахалин. Прозаик, поэт, один из создателей нивхского алфавита, он в 1986-м был секретарем СП РСФСР, то есть фактически литературный чиновник. Какое-то время руководил Ассоциацией малочисленных народов Севера.

Там же, на верхней ступеньке – Геннадий Юшков. Народный поэт Республики Коми, публицист и драматург, в 86-м – председатель правления СП Коми АССР. Классик литературы коми, он скончался несколько лет назад, как раз в эти майские дни.

Чуть ниже – Владимир Личутин – крепкий северянин, земляк Виталия Маслова (он родом из Мезени), сейчас прочно обосновался в Москве. Автор многих книг прозы. Самая заметная из последних – эпопея «Раскол».

Рядом стоит и хорошо так, широко улыбается Владимир Бондаренко – известнейший литературный критик, сейчас – редактор газеты «День литературы», автор многих книг. Он приезжал в Мурманск спустя почти десятилетие – в 1995-м, вместе с Дмитрием Балашовым, они тогда участвовали в очередном празднике письменности.

Дальше – прозаик и журналист Владимир Шириков, в 1986-м возглавлял Вологодскую писательскую организацию, и именно Вологда, вслед за Мурманском, второй приняла наш праздник. Эта традиция – каждый новый год День славянской письменности менял прописку – тоже зародилась у нас, придумана мурманчанами. Очень короткая жизнь выдалась Владимиру Ширикову – умер в 1998-м, в 54 года.

Седоволосая, в белом пальто – Октябрина Воронова. Первая саамская поэтесса, писавшая на языке предков, она умерла в 1990-м. Трудная, нелегкая судьба: алкоголизм, одиночество, ранняя смерть. При библиотеке Ревды, что неподалеку от родного для нее Ловозера, в 1995-м открылся ее музей.

В берете Владимир Крупин. Был секретарем правления Московского отделения СП РСФСР, СП СССР, членом редколлегии журнала «Новый мир», главным редактором журнала «Москва». С 1994 г. преподавал в Московской духовной академии, с 1998-го – главный редактор православного журнала «Благодатный огонь». По-прежнему пишет замечательную прозу.

За Крупиним спрятался Иван Меркурьев. Это, доложу я вам, отдельная статья. О нем не всегда вспоминают, когда речь заходит об участниках первого праздника, на первом плане обычно писатели. А жаль. Меркурьев – уникальный ученый. Исследователь поморского диалекта, создатель словаря «Живая речь кольских поморов» – книги, безусловно, хрестоматийной, классической без каких-либо оговорок.

Юрий Кузнецов – один из крупнейших русских поэтов второй половины XX века. В 90-е руководил отделом поэзии журнала «Наш современник», вел семинар в Литинституте. Умер в 2003-м от сердечного приступа.

Соратник ближайший и друг Маслова – поэт Виктор Тимофеев. Его не стало в 2015 году. Жил в родном Мурманске, почетный гражданин города. Автор множества книг – после 1986-го у Виктора Леонтьевича их вышло не менее десятка. Воспитатель нескольких поколений поэтов-северян, до последних лет руководил областным литературным объединением.

Завершает ряд писатель-фантаст и издатель Юрий Медведев. Именно ему удалось пробить публикацию в журнале «Москва» «Истории Государства Российского» Карамзина – полностью, без купюр.

Вот такие люди. Такие судьбы... Очень разные.

Собирание растрченного

Основательным был и мурманский круг тех, кто готовил праздник и участвовал в нем: поэты Владимир Смирнов и Владимир Сорокажердье, Борис Орлов и Николай Колычев, Владимир Семенов и Игорь Козлов, первая писавшая на родном языке саамская поэтесса Октябрина Воронова. Но не только писатели! Мощно

поддержала пресса. Центром в этом деле стала молодежная газета «Комсомолец Заполярья», главный редактор которой Дмитрий Тараканов вместе с Виталием Масловым и Виктором Тимофеевым стал одним из основателей возрожденного праздника – торжества предваряла целая серия публикаций, посвященных Дню славянской письменности (и это словосочетание впервые после долгого перерыва полновесно зазвучало именно в «Комсомольце Заполярья» тех дней). Как говорил Маслов, выступая в Великом Новгороде, на третьем празднике:

– Не знаю, от великой ли мудрости или, так скажем, от неопытности уже за два-три месяца до праздника редактор Дмитрий Тараканов посмел через весь разворот, через две страницы напечатать – «День Славянской письменности»! И стал приучать нас к этому словосочетанию. И печатал материалы о празднике. Печатал стихи болгарских поэтов о России, стихи русских поэтов о Болгарии. Стихи болгарских поэтов о Пушкине, о том, что сын поэта полковник Александр Александрович освобождал Болгарию и даже командовал дружинами болгарского ополчения. И материалы с выставки в областной научной библиотеке, посвященной празднику, и информацию о школьных конкурсах стенгазет, чтецов, сочинений, публикации лучших сочинений – вот так, с подачи «Комсомольца Заполярья», День Славянской письменности и пошел.

Конечно, в подготовке премьерного Дня всемерно помогли ученые-филологи – преподаватели Мурманского педагогического института Людмила Тимофеевна Пантелеева и Надежда Георгиевна Благова. Украшением первого Дня стал большой студенческий спектакль по гениальному «Слову о полку Игореве». Это стало основанием дружбы и сотрудничества на многие годы – и с Пантелеевой, и с Благовой, которая стала позже одной из участниц Славянского хода Мурман – Черногория и многих других масловских задумок и свершений.

Надежда Благова о подготовке к празднику – они тогда были едва знакомы, праздник – первое дело, которое их сблизило, объединило, как потом оказалось, навсегда: «В одном из читальных залов областной библиотеки Виталий Семенович заканчивал подготовку к празднику книжной выставки, на которой экскурсантами должны были стать студенты филфака педагогического института. Виталий Семенович больше часа увлеченно рассказывал мне о Самарском знамени, о болгарском ополчении, которое вместе с русской армией готовилось к походу против османов за ос-

вобождение своей родины, об Илье Николаевиче Ульянове, о Шипке...Его неторопливая увлеченная речь завораживала...

А вот как вспоминает знакомство с Масловым, к тому же времени относящееся, Людмила Тимофеевна Пантелеева: «Поэт Татьяна Агапова как-то заметила: «Виталий Семенович Маслов и Людмила Тимофеевна Пантелеева не могли не встретиться...» Она права, так как в характере этого удивительного человека немало черт, созвучных и близких мне, я это поняла уже при первой нашей встрече, которая состоялась в 1985 году на заседании Ученого совета пединститута, посвященно-го 800-летию «Слова о полку Игореве».

Знакомство с Виталием Семеновичем состоялось после окончания совета. Он подошел ко мне и сразу же заговорил о необходимости проведения в Мурманске Дня письменности и 800-летия «Слова», рассказал, как проходит этот праздник в Болгарии. В заключение спросил мой номер телефона, а дня через три-четыре позвонил.

...Виталий Семенович был удивительным человеком: это мечтатель, твердо стоящий на земле и реально оценивающий свои и окружающих возможности, он умел заражать своими идеями всех вокруг. А поскольку я отношусь к тем людям, кто не умеет отказываться, если ощущает себя способной помочь, согласилась участвовать в организации и проведении Первого Дня славянской письменности и культуры.

И вот тут-то я поняла: если на что-то согласился, то Маслов не оставит тебя в покое и каждый день будет расширять поле твоей деятельности и не соглашаясь ни на какие уступки. Ты становишься исполнителем его идей...

Через все тот же «Комсомолец Заполярья» Маслов провел конкурс на лучшее чтение произведений древнерусской литературы, в том числе, конечно, в первую очередь «Слова...». День славянской письменности изначально праздновался несколько дней. Постепенно складывались алгоритм, правила его проведения. Обязательным с первого праздника стали Уроки Слова, которые участники торжеств провели в школах Мурманска, в клубах и на кораблях. Шествия по улицам тогда еще не было, оно появится в программе (и укрепитесь в ней!) с 1988-го, после того, как мурманчане побывали в Софии и увидели, как это прекрасно и радостно, когда по улице идут школьники и студенты с портретами родных писателей.

Накануне основного дня празднеств, 23 мая, в Мурманской областной научной библиотеке прошла научно-практическая конференция, посвященная празднику... Именно там, кстати, сде-

лан известный снимок всех участников. О том, как его делали, очень любил рассказывать Семен Иванович Шуртаков. Именно он тогда, увидев, что готовятся его коллеги к важному делу непродуманно, абы как, первым сказал: «Не так сели!», усадив в итоге вперед Виталия Маслова, Людмилу Пантелееву и первую саамскую поэтессу Октябрину Воронову: «– Стоп! – властно (уж откуда что взялось?!) скомандовал я фотомастеру и выставил раскрытую ладонь перед объективом. Затем стоявшую рядом с ним работницу библиотеки уже другим, любезно-извинительным тоном попросил: – Пожалуйста, три стула!

В зале все еще стояла та самая, немая тишина. А когда стулья были поставлены перед первым рядом, я с прежним строгим видом усадил упирившегося Маслова на средний, а справа и слева от него прекрасных дам: «Теперь можно снимать!»

Как вспоминают участники, с погодой 24 мая не слишком повезло, как я уже отмечал, это потом тоже станет традицией. Было пасмурно – все время на грани дождя, ко всему – привычный для Мурманска пронизывающий холодный ветер.

Главный вечер Дней прошел в ДК имени Кирова. Начался он награждением победителей школьных конкурсов, затем выступали писатели, народные коллективы исполняли со сцены русские песни. И вот здесь-то «Слово о полку...» прозвучало решительно и мощно:

«Гвоздем программы, ее смысловым и художественным центром, – пишет один из участников первого праздника Семен Шуртаков, – стала литературно-музыкальная композиция по «Слову о полку Игореве». В многолюдном зале звучало первородное, яркое, образное русское Слово. Звучало во всей ее мощи и красоте. Каждую фразу, каждую частицу ее исполнители произносили с таким трепетом и благоговением, с какой произносит верующий молитву. И вряд ли будет ошибкой сказать, что многие и многие в этом зале слышали такое, идущее из глубин отечественной истории, родниковой чистоты Слово, впервые. И не может быть, что в их сердце оно никак не отозвалось...

Поистине, это был вечер величания Слова. Шел он три с половиной часа, и до самого конца зал оставался полным...

Замечательного литературоведа и критика, великого знатока русской литературы Валентина Курбатова не было на первом празднике, но он участвовал во многих последующих. И не просто участвовал, а зафиксировал слова и чувства тех людей, что делали в те годы празд-

ник и – составляли его суть. А еще он прочувствовал внутреннюю суть того, что происходило и в Вологде, и в Новгороде, и в Мурманске (пусть уже и постфактум): «Прекрасны были эти первые Праздники Славянской письменности! Как они тогда были деятельны и высоки! Они и сейчас никуда не делись.

Но теперь это скорее концерты и пышные представления, где больше видны начальство и торжество. А те, первые, были так напряжены, что мы и собирались как-то дружинно, словно оглядывали силы, проверяя на крепость, на памятьливость. Это было собрание растрченного, пересмотр своего исторического достатка: что в дело, что в предание, что в прямой нынешний обиход. Все было: пение, фольклор, выставки, но горело все. Словом, нетерпением обдумать, вновь назвать себя...»

4. СЕРДЦА ВОКРУГ СЕРДЦА

Памятник – это легенда

... Они стоят в центре небольшой площади у Мурманской областной научной библиотеки, словно о чем-то беседуя, – негромко, вполголоса. Один из них еще молод, ему должно быть чуть больше тридцати. Красивое, умное лицо спокойно и открыто. Второй – лысоватый, с бородой – намного старше. Он человек поживший, много видевший и испытывший, мудр и опытен. Их одеяния из бронзы просторны и просты. Их имена известны – Кирилл и Мефодий. Равноапостольные братья из Солуни, создатели славянской азбуки. Ученые мужи, подарившие нашим предкам возможность писать на родном языке. Первоучители...

История их появления в Мурманске достойна отдельного разговора. И тут без Маслова, конечно, не обошлось. Да, появление в столице Кольского Севера этого памятника – тоже дело рук Маслова и его соратников.

– Собрался Фонд культуры, и, как выяснилось уже на оргкомитете, – вспоминал Виталий Семенович в радиопрограмме Дмитрия Ермолаева «Неизвестный Маслов», – сторонников праздника славянской письменности, по крайней мере среди тех, что собрались, меньше гораздо, чем противников. В протоколе записано, я помню, так: на Кольской земле нет места Кириллу и Мефодию. Вы им разрешите празднование, так они начнут и на памятник Кириллу и Мефодию деньги собирать. Я не буду называть этих людей,

многие из них и сейчас работают, и сейчас не последнее место занимают. А потом приглашает меня посол по культуре Болгарии Живко Вычкова и говорит: «Есть решение вас и Тимофеева наградить орденом Кирилла и Мефодия». У нас в то время был только орден у Дмитрия Сергеевича Лихачева. Я сказал им: «Ваше решение не бесспорно. У нас только еще образовалась группа, небольшая группа людей. Посмотрите, кто первые праздники вел – в библиотеке – несколько человек, которые в нашей научной были, в пединституте – не большинство было и т. д. Выделить этих двух человек из тех, которые делали все это, простите, не то что нужно, это не объединяет, а разъединяет. Я сказал: «Ни в коем случае. Если это решение будет принято, я откажусь». Так этот вопрос и повис.

Потом мы поехали в Болгарию, за границу, хотя Болгария тогда еще не считалась заграницей. Мы поехали. Илья Пехливанов, редактор газеты «За буквите», которая помогла нам очень первые праздники провести, отвел нас к редактору газеты «Антени», еженедельника, Веселину Иосифову.

Я говорю: «Я скажу ему о памятнике», – ну, у меня душа болела, а Илья – он тоже номенклатурный человек, – он говорит: «Нет, не надо, это резко будет». Пришли к Веселину Иосифову. Хорошо посидели, выпили по рюмочке ракии, я ему говорю «Веселин, Илья запретил мне об этом говорить, но что же тянуть, у Живко Вычковой был разговор о памятнике». Веселин – генерал с дореволюционным стажем (болгарская революция имеется в виду). «Могли бы вы подарить копию вашего прекрасного памятника Мурманску?» Веселин прошел в глубь кабинета (кабинет большой), кому-то позвонил и сказал, что через 10 минут нас ждет заместитель Живкова – главы компартии Болгарии, и вопрос был решен».

Эпизод, который в свойственной ему манере, когда не всегда отличишь, где правда, а где вымысел, рассказывает Маслов в интервью Дмитрию Ермолаеву, относится к 1988 году. Но работу предварительную, связанную с новой своей фантастической идеей, он начал годом раньше, на втором празднике славянской письменности, который прошел в Вологде.

Именно тогда Маслов поделился своей мечтой о памятнике с замечательной болгарской журналисткой Калиной Каневой, которая многие годы в той самой, уже упоминавшейся газете «Антени» вела тему русской культуры, была знакома и дружила с выдающимися учеными и писателями – академиком Дмитрием Сергеевичем Лихачевым,

сибиряками нашими знаменитыми – Виктором Астафьевым и Валентином Распутиным.

И вот к ней-то и обратился позже Маслов с письмом, в котором напомнил о том разговоре: «Я рассказала об этом в Министерстве культуры. Вероятно, идея высказывалась и другими, но, как бы то ни было, она начала реализовываться. Фонд «1300 лет Болгарии» подарил Мурманску точную копию памятника Кирилла и Мефодия, стоящего перед зданием Национальной библиотеки им. Кирилла и Мефодия в Софии (автор Владимир Гиновски)...»

Очень быстро, без существенных проволочек были решены все технические вопросы, связанные с изготовлением и передачей памятника мурманчанам. Передача состоялась в День независимости Болгарии – 3 марта 1990 года. Памятник освятил патриарх болгарский Максим в Александро-Невском соборе Софии. И отправились Кирилл и Мефодий в дальний путь...

Пять тысяч километров на КамАЗе по украинским, белорусским, российским дорогам. Через Варну, Одессу, Киев, Минск, Новгород. Проще было бы, конечно, поднять этот негабаритный груз на пароход в Варне, а в Мурманске – выгрузить. Но...

– Памятник – это легенда! – говорил мне, рассказывая историю появления Святых братьев на Кольской земле, Виталий Маслов.

И пришлось первоучителям совершить новое шествие на Русь. Без преувеличения, триумфальное. В каждом городе, куда прибывала эта необычная экспедиция, – встречи, концерты, колокольный благовест. Еще четырежды памятник был освящен. Действительно легенда.

Именно Калина Канева сопровождала памятник в его пути в Мурманск – она присоединилась к знаковому путешествию в Киеве, где бронзовым первоучителям был оказан небывалый прием. Сейчас, глядя на сегодняшнюю Украину, поверить в такое не просто сложно, а почти невозможно: «Мурманский КамАЗ № 02-97 с горизонтально лежащими пятиметровыми фигурами святых братьев с трудом смог въехать на площадь перед храмом. Не знаю, то ли приглашение, прозвучавшее по радио и в прессе, то ли торжественный колокольный звон (9 марта 1990 года в 14 часов) позвал сюда людей, но обширное пространство около храма становилось все теснее и теснее. Кажется, впервые в жизни почувствовала силу толпы – я была зажата как в тисках, было трудно дышать, тем более подпевать болгарскому гимну «Върви, народе възродени («Вперед, народ мой возрожденный»), лившему-

ся из громкоговорителей. Звучали речи и приветствия. Блестящая литургия могучим басом провозгласила «Многая лета украинскому, российскому и болгарскому народу и всем народам мира». После этой официальной части и освящения памятника началось нечто неопишное.

Толпа повернулась к стоявшему в стороне КамАЗу и, медленно покачиваясь, с пением тронулась. Происходившее потрясло нас, двух болгар (памятник сопровождал также журналист газеты «Дума» Васил Попов). Люди проходили мимо бронзовых статуй в некой религиозной экзальтации. Нет, нечто гораздо большее заставляло их нежно прикладывать платки или шарфы к головам славянских первоучителей, а потом к себе, словно приобщаясь к их святости...

Теплый металл

А Васил Попов – кстати, в прошлом десантник, офицер болгарского спецназа, написал о том путешествии книгу – «Мисия без край» («Миссия без конца»). Вот что он пишет о киевской встрече памятника: «Эти слезы подобны реке – по количеству. А качество их безмерно. Соразмерно с высокой духовностью миссии Кирилла и Мефодия. Если применить некие современные категории, то это был рекорд, достойный Книги рекордов Гиннеса, – за наибольший одновременно плачущий хор. Но тогда мы были настолько потрясены, что не позволяли себе подвергнуть тот миг подобным профанации и опошлению.

Одна бабушка мне рассказала, что 70 лет в киевском храме Святой Софии не звучал колокольный звон. Или такой звон считали препятствием или защитой от большевиков, потому что религия – опиум для народа? А так называемая демократия – не опиум для народа? Потому что оставила народ без системы ценностей.

Но мы говорим о слезах, которые с грузовика с памятником я снимал. Священники поют: «Многая лета...», колокола звонят... Столпотворение – 25-40 тысяч душ, представители трех-четырех поколений заполнили двор.

Спустя 70 лет колокольный звон восстановлен. Правда, не в честь встречи бронзовых братьев, но первый звон с ними совпал.

Повторюсь, колокольного звона здесь не слышали 70 лет. И, когда начали восстанавливать, колокола сюда пришли от всего СССР – в подарок. Невозможно создать искусственный звон, искусственные песни, от которых потекли бы реки слез. Не смогу забыть лица и глаза двух священников,

которые за трос, скрепленный с языком колокола, – звонили. Взгляд их уходил в небеса, они ничего не видели и не слышали. Это было похоже на транс, своего рода психоз. Не могу сказать, сколько это продолжалось и когда завершилось.

Тем временем КамАЗ с памятником оказался в центре всеобщего внимания, был обложен хлебом, фруктами и конфетами, сладкими и солеными – чего только у них внутри не было. В руках у многих людей горели свечечки.

Духовенство запело: «Многая лета русскому, украинскому, белорусскому и болгарскому народам...», окропляя всех святой водой, и вдруг многие люди повернулись и тронулись к бронзовым братьям, как на поклон. Все, не переставая петь, прикасались к студеным бронзовым ладоням, после чего отступали, уступая место следующим (в один момент мы увидели, как молодой отец поднес своего сына и его маленькой головой прикоснулся к главе Святого Кирилла). Так отступали десятки людей. Так же сделал и поэт Игорь Козлов.

– Потрогай тоже металл! Он же теплый!

Вы можете мне не верить. Но бронза действительно излучала тепло.

Так прошло главное освящение памятника.

Могу рассказывать и повторять бесконечно. Сто мешков с жемчугами и алмазами не стоят тех слез, которые я видел тогда в тысячах глаз. И я, и Калина, и русские писатели ревели как дети. От волнения, от духовного подъема. Не знаю еще почему. По крайней мере, один раз в жизни я плакал неудержимо, без какой-либо зримой причины...

«Наш кортеж двигался все дальше на север по пути славянских книг, – вспоминает Калина, – по пути, связавшем, как спинной мозг, славянские народы. Пейзаж приобретал характерные для севера черты. Леса редели, становились более низкими, было все больше и больше снега. Становилось холоднее, а люди – теплее...»

Поздним вечером 17 марта прибыл в Мурманск. Первая встреча памятника с Мурманском у Свято-Никольского храма: «...Когда архимандрит Гавриил, представитель Болгарской православной церкви в Москве, и местный игумен Никодим вышли из храма и начался молебен, посвященный святым равноапостольным Кириллу и Мефодию, раздался шёпот: «Смотрите – северное сияние». Я подняла голову – молочно-белая дуга, как ореол, повисла над нами и дрожала, словно под действием какой-то мощной силы. Я впервые наблюдала северное сияние. Смотрела, замороженная, потому что друзья в Софии шутили, провая: «И, смотрите, северное сияние

зажгите!» А местные жители удивлялись: в марте северное сияние – редкость!»

О том, что происходило потом, по прибытии груза в столицу Заполярья, рассказывать непросто. У людей, благодаря которым Кирилл и Мефодий очутились в Мурманске, радости сменялись огорчениями. Сейчас это только удивляет, но были среди жителей города и такие, кто возражал, сопротивлялся установке памятника в Мурманске. Против того, чтобы равноапостольные братья стояли в сквере у научной библиотеки, выступило тогда ее руководство. Несмотря на это, памятник все же был установлен, и именно в этом месте.

Однако по плану архитекторов, занимавшихся «привязкой» памятника к городу, он должен был выглядеть иначе.

«Я пойду до конца!»

Самое главное и обидное – первоучители досих пор стоят на временном постаменте. Первоначально его намеревались сделать из цельного шлифованного камня раза в два больше, чем нынешний. На камне – бронзовые буквы – Кирилл и Мефодий, на боковых торцах предполагалось выбить первые славянские азбуки – глаголицу и кириллицу.

Изготовить пьедестал к открытию памятника не удалось – четырежды делали обработку каменной скалы, но она трескалась, приходила в негодность. Все дело в камне. Местный, мурманский камень не подходит – крошится. Для постамента был нужен мелкозернистый габбро. Возможен вариант, когда подиум составляется из четырех блоков со свинцовыми прокладками. Но камень опять-таки нужен мелкозернистый, а такого на Мурмане нет.

По плану мурманских архитекторов, памятник должен был быть оснащен подсветкой. На площади предполагалось установить светильники, созвучные настроению, стилю памятника, скамейки, специально изготовленные, особой формы урны. Сквер у библиотеки стал бы другим, приобрел бы завершенность. Но увы – увы...

Сразу сделать, как должно, не получилось. Теперь же об этом почти никто и не вспоминает. Наталья Емельянова (в 1990 г. – главный архитектор Мурманска) еще в 1993-м поднимала вопрос о работах «второй очереди» в сквере библиотеки, но понимания не встретила. По ее словам, завершить композицию площади можно было быстро и недорого. Основная проблема – камень – не такая уж неразрешимая.

Однако чем дольше относит нас время от дня установки памятника, тем меньше надежд на то, что он будет когда-нибудь завершен. Вот и буквы, приготовленные для того, чтобы составить на постаменте имена Кирилла и Мефодия, пропали. Хранились в управлении архитектуры и исчезли бесследно. Как же – цветной металл!

Создатель памятника Владимир Гиновски в свое время признался гостившим у него мурманским журналистам:

– Я настаиваю, чтобы пьедестал был сделан по бумагам Ивана Иванчева. Надо довести начатое до конца, хотя я понимаю, денег нет ни у вас, ни у нас. Вспоминаю о том, как мы открывали его в Мурманске... Прекрасные люди, которых я никогда не забуду. Эти воспоминания согревают мне душу. Памятник Кириллу и Мефодию – лучшее, что я создал. Главное дело моей жизни...

Теперь уже покойному Владимиру Гиновски его скульптура, его Кирилл и Мефодий, представлялась зажженной свечой. В скульптуре действительно есть что-то от свечи. Фигуры лишены покоя, нестатичны, они движутся, живут. Но если скульптура – свеча, то постамент – подсвечник. Свечу мы зажгли. Надо, чтобы она горела ярко...

О том, как потрясло его то, как Маслов добился, чтобы бронзовые Кирилл и Мефодий оказались в Мурманске, позже вспоминал писатель-нижегородец Валерий Шамшурин: «Это событие поистине стало легендарным, ведь именно Мурманск по сути стал центром притяжения всех славян, которые чтят свои истоки и свою письменность...

На наших встречах с Виталием в Петербурге я особенно остро почувствовал и осознал, что он бесповоротно отдал себя в жертву своему дерзновенному и праведному делу. Оно отнимало у него здоровье и силы, но ему не жалко было поступиться чем-либо сугубо личным, лишь бы его миссия приносила пользу. Много сердец он сплотил вокруг своего сердца. Однако бывало и так, что он оставался один, потому что никто с ним не мог и не помышлял сравниться в его одержимости и преданности идее объединения славянства.

Он был рыцарем без страха и упрека, и я преклоняюсь перед ним. По сей день – он остается лучшим из нас...

Шамшурин вспоминает слова, сказанные ему Масловым на одной из писательских встреч:

«Я пойду до конца...»

Касаются они, конечно, не только славянского дела и легендарной истории с памятником, но – всей жизни. Маслов всегда шел до конца, не желая видеть препятствий, а порой и попросту сметая их, не замечив. Редчайшее качество даже для таких больших и одержимых людей, каким был Виталий Маслов.

□

Дмитрий КОРЖОВ –

поэт, прозаик, литературный критик.

Родился в 1971 году в Перми.

Окончил Литературный институт им. А. М. Горького.

Член Союза писателей России.

Стихи и проза публиковались в альманахе «Братина» (Москва),

в журналах «Север», «Московский вестник»,

«Роман-газета. XXI век», «Аврора»,

«Десна» (Брянск), «Странник» (Саранск).

Автор пяти книг стихотворений.

Участник 5-го форума молодых писателей России

в подмосковных Липках.

Живёт и работает в Мурманске.

